

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА КИТАЙСКОГО МИГРАНТА НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.

Заплатаина К.Р.

**Научный руководитель - д-р ист. наук В.Г. Дацышен
ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»**

Важной глобальной тенденцией является рост экономического и геополитического значения КНР, сопровождающийся вместе с тем расширением китайской миграции. «Теневой» стороной этого процесса становится «синофобия», проявляющаяся в целом ряде стран — от Канады до Индонезии. Вместе с тем, особое внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей вызывает развитие событий в Сибири, на Дальнем Востоке. Ряд западных аналитиков утверждает, что страх потери восточных территорий может «повернуть Россию на более атлантистский курс», то есть в сторону увеличения сотрудничества с США и странами Евросоюза.

Формирование образа китайского мигранта в Сибири и на Дальнем Востоке — сложный социокультурный процесс. Он имеет два взаимосвязанных, но всё же несовпадающих аспекта: объективная ситуация и ее преломление в массовом сознании.

В развитии китайской миграции на территории Сибири и Дальнего Востока на рубеже XX-XXI вв. можно выделить два основных периода. Для первой половины 1990-х гг. был характерен взрывной рост численности китайцев, особенно яркий ввиду почти полного их там отсутствия в предшествующие десятилетия (после сталинских репрессий). В этот первый период основную массу мигрантов из КНР составили малообразованные разнорабочие и рыночные торговцы (По мнению Р. Бедельски, успеху китайских коммерсантов способствовало то обстоятельство, что они жили в социалистическом обществе не семь, а только три десятилетия.) Их появление совпало с глубоким экономическим, социально-психологическим и демографическим кризисом, переживаемым в эти годы нашей страной. Наложение этих обстоятельств породило восприятие китайских мигрантов как безликой массы, захватывающей Дальний Восток сугубо за счет количественного превосходства.

Во втором периоде, продолжающемся по наши дни, ситуация трансформировалась под влиянием ряда обстоятельств — как внутрироссийских, так и внутрикитайских и глобальных. В России были укреплены миграционная служба и вообще правоохранительные органы, ужесточено миграционное законодательство. Стабилизировалась экономическая ситуация. В Китае же конец 1990-х — 2000-е гг. ознаменовались бурным экономическим ростом, ростом высокотехнологичных отраслей экономики, а также образования и науки. Этот период ознаменовался сокращением нелегальной миграции из КНР. Однако при этом китайские общины усилились в инфраструктурном отношении.

Публицисты нередко утверждают, что численность китайцев в РФ составляет несколько миллионов человек. Однако Всероссийская перепись населения 2010 г. зафиксировала менее тридцати тысяч китайцев. По данным тайваньского совета по делам зарубежных сообществ, на 2004 и 2005 гг. в России было 998 тысяч китайцев. Противоречивые мнения высказывают и зарубежные аналитики. Одни полагают, что установление контроля Китая над российским Дальним Востоком неизбежно, вопрос только в сроках. Другие полагают, что значение идеи китайской экспансии преувеличено. Третьи же считают, что у КНР есть долгосрочная цель доминировать в регионе, однако конкретных планов и графиков пока что нет.

По данным УФМС по Красноярскому краю, в 2011 г. в Красноярский край прибыло 13,5 тысяч граждан КНР, подавляющее большинство которых поставлены на учет по месту пребывания и лишь малая часть зарегистрированы по месту жительства. Количество китайских граждан, поставленных на миграционный учет, составляет около 9 процентов от общего числа поставленных на него иностранцев. Чаще всего работники-китайцы трудятся в сельском хозяйстве и строительстве, в торговле, в лесном хозяйстве, в ремонте автотранспортных средств.

В современной России действует механизм квот на привлечение иностранных работников (обсуждается план перехода к патентной системе). В 2011 г. предполагалось выдать около 20 тысяч разрешений, в том числе гражданам КНР – 5,5 тысяч. Однако фактически последние не выбрали квоту полностью и получили лишь немногим больше 5 тысяч разрешений.

Китайская миграция часто имеет латентный характер. Так, В.И. Дятлов отмечает, что китайцы современного Иркутска «опасаясь одновременно и местных хулиганов, бандитов, и милиции ... стараются жить компактно. Поэтому иногда кажется, что в отличие от начала 1990-х китайцев в городе почти нет».

Кроме того, китайская иммиграция имеет «теневую» составляющую, идущую вразрез с российским законодательством. Специалисты Отдела иммиграционного контроля УФМС России по Красноярскому краю регулярно выявляют факты нарушения миграционного законодательства. Так за 2013 г. при проведении оперативно-профилактических мероприятий на территории тепличных комплексов было выявлено три факта организации гражданами Китая незаконной миграции своих соотечественников, виновные лица были привлечены к уголовной ответственности. По данным правоохранительных органов, разница между количеством въездных и выездных талонов, врученных гражданам КНР на посту «Забайкальск» составляет 4 тысячи ежемесячно.

Как отмечают в УФМС по Красноярскому краю, «многие китайские мигранты грубо нарушают российские законы... Они часто осознанно приезжают по туристическим визам, а затем нанимаются на работу, хотя не могут не знать, что это противозаконно». Некоторые заключают фиктивные браки с гражданами России. Вместе с тем, надо заметить, что Правительство КНР выступило с официальным обращением к своим гражданам о необходимости неукоснительного соблюдения российского миграционного законодательства.

Определение численности китайских мигрантов — задача весьма непростая. По оценке В.Г. Гельбраса, их общее количество в России не превышает 400–500 тысяч человек. При этом большинство (или, по крайней мере, значительный процент) выходцев из КНР концентрируется отнюдь не в Сибири и на Дальнем Востоке, а в европейской части России. В.Г. Дацышен полагает, что к середине 2000-х гг. численность китайских мигрантов в Сибири и на Дальнем Востоке превысила 100 тысяч человек, однако их присутствие собственно в Сибири невелико.

Обращает на себя внимание изменение качественных характеристик китайской диаспоры. Примеры китайских предпринимателей, успешно работающих в нашей стране, приводит Р. Руссо. Так, благовещенский завод по производству кваса принадлежит «бизнесмену» Ли Лихуа. А в Чите, по сведениям этого автора, китайские инвесторы приобрели бывший танковый завод и собираются выпускать там грузовики. На территории Красноярского края в середине 2000-х гг. гражданами КНР было создано 36 фирм, в том числе 18 лесоперерабатывающих, 8 торговых, 5 сельскохозяйственных и 4 общественного питания. Предприниматель Ван Липэн, ранее закупавший пиломатериал у местных производителей, открыл в Канске свой лесоперерабатывающий заводик.

Исследователи пишут о бизнес-симбиозе китайского бизнеса и местных элит. Уже в 2003 г. корреспондент «Вашингтон Пост» слышал от своих хабаровских собеседников мнение, что если поначалу китайцы выступали в роли низкооплачиваемых работников, то теперь они владеют предприятиями, где в этом качестве трудятся россияне.

Среди выходцев из Китая появилось немало людей с высшим образованием и даже учеными степенями, в том числе по гуманитарным и социальным наукам. 73 % китайской диаспоры Красноярского края хорошо владеет русским языком.

Преломляясь (порой причудливо) через общественное сознание, объективные тенденции порождают стереотипы. Под последними понимаются устойчивые образы, сложившиеся у представителей тех или иных культур и проявляющиеся в тесной взаимосвязи когнитивных и эмоционально-оценочных компонентов.

Относясь к сфере априорного, венаучного знания, массовые стереотипы, тем не менее, поддаются научному изучению. Сопоставляя образы китайских мигрантов в приморских СМИ в 1995 и 2005 гг., И.Л. Аристова и С.А. Пивоварова установили: «диапазон образов китайцев, представленных в СМИ в 2005 году, шире, чем 1995. Если в печатных изданиях 1995 года китайцы представлены как преступники (нарушители границ, браконьеры, наркоторговцы, мафиози), торговцы некачественными товарами, партнёры по бизнесу, агрессоры во внешней политике, источник угрозы, завоеватели, претендующие на наши территории, то в 2005 году они воспринимались как непохожие, чужие, преступники, нелегальные мигранты, нарушители границы, жители стремительно развивающегося государства, соперники в спорте, партнёры по бизнесу, политические союзники, источник угрозы, завоеватели, претендующие на наши территории, наследники тысячелетней культуры, соперники в экономическом влиянии, торговцы некачественными и дешевыми товарами, агрессоры во внешней политике, представители самой многочисленной этнической группы, рабочая сила, способная поднять экономику Дальнего Востока». Таким образом, оценки китайских мигрантов стали более разнообразными. Что касается темы «китайской экспансии», то в 1995 г. только подчеркивалась исходящая от Китая демографическая угроза, то в 2005 г. на страницах газет стали обсуждаться противоположные точки зрения. Кроме того, если в 1995 г. тональность материалов варьировалась от нейтральной до негативной, то в 2005 г. были зафиксированы и материалы, позитивно оценивающие китайских мигрантов и критикующие «чайнофобию».

Ввиду инерционности общественного сознания, в последнем сосуществуют достаточно разнородные представления. В них отражаются экономические успехи КНР, однако по-прежнему сохраняется образ китайского мигранта как малообразованного и неприхотливого гастарбайтера, который занимается плохо оплачиваемым неквалифицированным трудом. Свою роль играет эффект отдаленности — наиболее консервативны представления жителей Центральной России, не знающих действительного положения дел в Сибири и на Дальнем Востоке.

Формирование массовых стереотипов — процесс многофакторный. Несмотря на свою устойчивость, эти представления достаточно динамичны и поддаются целенаправленному воздействию — прежде всего, посредством масс-медиа, а также культурно-образовательных мероприятий. Роль масс-медийного конструирования образов мигрантов подчеркивает Д.И. Чистяков.

В.И. Дятлов описывает механизм формирования негативного образа китайских мигрантов посредством взаимных перекрестных «экспертных оценок» журналистов, чиновников и ученых: «Появляется, например, некая информация в газете. Ее воспроизводит (с подтверждающей или даже сдержанно-скептической интонацией)

представитель научного сообщества. Получивший «научную санкцию» («ученые пишут...») тезис входит в инструментальный оборот ведомственных аналитиков и чиновников. Авторизированный ими, он используется уже как солидный и надежный источник в научных исследованиях. СМИ тиражируют авторитетные мнения ученых и практиков. И так – по кругу». В результате даже у компетентных людей возникает разрыв двух образов, первый из которых опирается на собственный опыт и здравый смысл, а второй формируется масс-медиа.

В современной КНР активно развивается китайская индустрия «фабрик мысли». Проблемы китайских землячеств исследует, в частности, институт АТР Пекинского университета, Сибирь и Дальний Восток изучают, в частности, ученые Хэйлуунцзяна.

Руководители континентального Китая регулярно подчеркивают значение «мягкой силы», то есть способности государства добиваться своих целей посредством методов убеждения и психологической манипуляции, опираясь на богатые культурные традиции и современные гуманитарные технологии.

Исследователи гуманитарных технологий подчеркивают, что последние представляют собой «обоюдоострое оружие». Это значит, что возможности масс-медиа, а также схема, очерченная В.И. Дятловым, могут использоваться для придания имиджу китайских мигрантов как негативных, так и позитивных черт. В этой связи перспективным направлением представляется изучение целенаправленного воздействия на формирование этого образа, осуществляемого китайскими PR-специалистами. Поскольку «синофобия» является не сугубо российской, а глобальной проблемой, вполне вероятно, что китайские «фабрики мысли» не остались безучастными к этому актуальному вопросу.

Целенаправленная деятельность по формированию имиджа принимает за основу представления, уже сложившиеся в массовом сознании, усиливая при этом позитивные и ослабляя негативные черты образа. PR-сопровождение китайских общин может подчеркивать благотворительную деятельность последних, заинтересованность властей КНР в борьбе против нелегальной миграции, а также примеры миграции в Китай россиян. Подобная информационная работа предполагает формирование пула экспертов и журналистов, освещающих китайскую миграцию в позитивном ключе. Следует подчеркнуть, что речь идет не столько о сугубо финансовой мотивации, сколько о выстраивании долгосрочных доброжелательных отношений, в том числе через технологии гостеприимства.

Вывод. Образ китайского мигранта развивается на территории Сибири и Дальнего Востока под влиянием целого ряда факторов. Свое воздействие оказывают как динамика повседневного опыта граждан, сталкивающихся с китайской миграцией, и тенденции экономического развития России и Китая, так и деятельность средств массовой информации, а также ведущаяся в КНР целенаправленная работа по укреплению «мягкой силы» этого государства. Речь идет о сложном процессе отчасти стихийного, а отчасти и целенаправленного формирования массовых стереотипов.